

Возникаетъ вопросъ отрицаетъ ли Толстой науку и искусство, такъ сказать, *in se et per se*? Объ этомъ сложилось обыденное мнѣніе съ положительномъ отвѣтомъ на него. Полагаемъ, что оно едвали правильно и во всякомъ случаѣ требуетъ объясненія. Надо расчленивъ вопросъ. Толстой критикуетъ, при томъ рѣзко и методологически неосновательно, теоретическую, науку. Во вторыхъ, онъ желаетъ, „лженауку“ замѣнить „наукой истинной“, сливающейся у него съ моралью. Мы уже отмѣтили, что дѣйственный морализмъ въ Толстомъ подавляетъ научный объектизмъ. Наука или ничего не стоитъ или вообще стоитъ постольку, поскольку она завершается этикой. (Развѣ это мнѣніе ужь такъ далеко, напр., отъ мнѣнія о первенствующемъ значеніи этики Спенсера, который задачей всей своей философской дѣятельности, вѣнцомъ ея поставилъ этику ¹⁾). Почувствовавъ упадокъ силъ и боясь не выполнить этой задачи, англійскій философъ прервалъ текущую работу, веденную имъ по заранѣе обдуманному плану и сразу перешелъ къ этикѣ. Завершивъ ее, возвратился опять къ заполненію пробѣла, сдѣланнаго во имя конечнаго разрѣшенія именно этической проблемы).

Вотъ что говорить самъ яснополянскій моралистъ: „...„Наука, искусство“! Вы отрицаете ихъ, т. е. отрицаете то, чѣмъ живетъ человѣчество... Мнѣ постоянно дѣлають,— удивляется Л. Н.—это не возраженіе, а употребляютъ этотъ пріемъ, чтобы не разбирая ихъ отбрасывать мои доводы. „Онъ отрицаетъ науку и искусство, онъ хочетъ вернуть людей къ дикому состоянію, что же слушать его и говорить съ нимъ“. Но это несправедливо. Я не только не отрицаю науку, т. е. разумную дѣятельность человѣческую, и искусство—выраженіе этой разумной дѣятельности, но я только, во имя этой разумной дѣятельности и выраженій ея говорю то, что я говорю, только для того, чтобы была возможность человѣчеству выйти изъ того дикаго состоянія, въ которое оно быстро впадаетъ, благодаря ложному ученію нашего времени, только для этого я и говорю то, что я говорю.

---

¹⁾ Но этику, конечно, теоретическую, а не практическую, въ чемъ большое различіе между англійскимъ и русскимъ моралистами.